

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/74/17

Н.С. Футляев, Д.Н. Жаткин

РУССКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ РОБЕРТА БЕРНСА «A MAN'S A MAN FOR A' THAT...»

Впервые рассматривается история русской переводческой рецепции стихотворения Роберта Бернса «A Man's a Man for A' That...» (1795) – от ранней интерпретации В.Д. Костомарова до новейших переводов Е.В. Витковского, С. Сапожникова, Е.Д. Фельдмана. Особое внимание уделяется переводам 1930–1950-х гг., вызвавшим пристальный интерес к стихотворению русской литературной критики и литературоведения (переводы С.Я. Маршака, С.А. Орлова, Т.Л. Щепкиной-Куперник).

Ключевые слова: Р. Бернс, поэтический перевод, рецепция, традиция, межкультурная коммуникация

В конце жизни Роберт Бернс с волнением наблюдал за событиями Великой французской революции, не только кардинально изменившей политическую систему Франции, но и ставшей поистине эпохальным поворотом в истории всей Европы. В 1795 г., когда якобинская диктатура сменилась термидорианской реакцией, уже не было в живых Робеспьера и его ближайших сторонников и, напротив, укреплялись политические позиции генерала Наполеона Бонапарта, которому совсем вскоре, в ноябре 1799 г., предстояло совершить государственный переворот и стать первым консулом, Бернсом было написано стихотворение «A Man's a Man for A' That...», во многом ставшее откликом на французский политический процесс, преломленный через его восприятие в консервативной Англии. Идеологом английского неприятия Великой французской революции был парламентарий, политический деятель, публицист Эдмунд Берк (1729–1797), который последовательно изложил свои консервативные принципы в книге «Размышления о Французской революции» («*Reflections on the Revolution in France*», 1790); признавая как данность иерархическую структуру общества, Э. Берк решительно осуждал любые попытки перераспределения собственности, способные обернуться катастрофой, разрушением духовных ценностей общества, уничтожением исторического наследия, выходом свободы за границы закона и порядка, называл революционеров «бунтовщиками и преступниками, восставшими против законного монарха» [1. С. 268]. В марте 1791 г. писатель, философ Томас Пейн (1737–1809) опубликовал обширную брошюру «Права человека» («*Rights of Man*»), в которой, в противовес Э. Берку, характеризовал Великую французскую революцию как «плод философских размышлений о правах человека» [2], провозглашал единство людей как основной постулат мировых религий, гово-

рил об естественности, прирожденности гражданских свобод, разумности принципов гуманизма, необходимости развития благосостояния нации путем смены системы управления сельским хозяйством, торговлей, мануфактурой и ремеслами. Т. Пейн настаивал на изменении государственной власти, необходимости обеспечения потребностей обездоленных слоев населения, что получило поддержку многих современников (в том числе Р. Бернса, У. Вордсворта), однако вызвало судебный процесс и обвинения Т. Пейна в оскорблении короля и конституции. Призывы Т. Пейна в первую очередь были ориентированы на соотечественников, но, по мере развития революционных успехов во Франции, приобретали интернациональный характер: «...и хотя некоторые деревья и растения будут погружены в сон дольше, чем другие, и хотя некоторые из них расцветут, быть может, не раньше, чем через два-три года, все они покроются листвою летом, за исключением тех, которые сгнили» [3. Р. 284].

По признанию самого Р. Бернса, отправлявшего стихотворение «A Man's a Man for A' That...» в письме Джорджу Томсону в январе 1795 г., он был вдохновлен «Правами человека» Т. Пейна и решил переложить оттуда в стихотворной форме «две-три весьма неплохие прозаические мысли», рассуждая о равенстве людей, «о великом звании Человек, которое никто не может ни подарить, ни отнять, о том, что каждый имеет право на труд, на мир, на свободу» [1. С. 272]. Открыто сочувствовавший Великой французской революции Бернс еще в 1792 г. был задержан в Дувре за отправку приобретенных с аукциона пушек в дар французскому Национальному конвенту, после чего ему, встревоженному на будущность семьи, «пришлось написать несколько заверений в благонадежности», и «это унижение оставило на нем тяжелые следы» [4. С. 625] (см. также: [5. С. 72]). После этой истории он предельно осторожно и аккуратно откликнулся на французские события, в том числе и в «Честной бедности»: «А между тем дурак и плут / Одеты в шелк и вина пьют / И все такое прочее. / <...> / Вот этот шут – природный лорд. / Ему должны мы кланяться. / Но пусть он чопорен и горд, / Бревно бревном останется! / <...> / Король лакея своего / Назначит генералом, / Но он не может никого / Назначить честным малым» (перевод С.Я.Маршака) [6. С. 187–188].

Р.Я. Райт-Ковалева обратила внимание на еще одну причину осмотрительности шотландского поэта – выход приказа короля Георга III «О различных подрывных и бунтарских писаниях», угрожавшего последствиями не только за сочинение или публикацию вольнодумной литературы, но и за ее чтение; Бернс, явно остававшийся под пристальным вниманием, не желал держать экземпляр «Прав человека» в своем доме и отнес его соседу Джорджу Хоу, сапожнику, тайно распространявшему антиправительственную литературу [1. С. 271–272]. События во Франции все больше склоняли Бернса к размышлениям о «свободе общественной», искоренении насилия, наделении людей равными правами (см. об этом: [7. С. 12; 8. С. 5]), однако постепенно веру в поступательное улучшение условий жизни сменяли пессимистические мысли о тщетности любых усилий, особенно угнетавшие

поэта после смерти младшей дочери в 1795 г. Бернс, зависящий от владельца арендуемой земли, за каждодневными заботами, не всегда мог до конца вникнуть в суть французских волнений, однако, видя напыщенных и «просвещенных» эдинбургских лордов, хваставших древностью своего рода и считавших поэта «самоучкой из безвестной деревушки» [9. С. 226], а его творчество – диковинкой на шотландском диалекте, понимал всю очевидную закономерность происходящего. Сознвая с годами, что «гордость и стремление к независимости не были только его личными качествами», Бернс всё больше ощущал себя певцом той «крестьянской Шотландии, что пахала, сеяла, жала хлеб, кормила, обувала и одевала страну» [10. С. 14–15]; он переживал за судьбу каждого жителя Шотландии, бросившего свои фермы и пашни, покидавшего родной дом, отправлявшегося на поиски лучшей жизни, но при этом верил в их будущее.

Цензурные ограничения в России второй половины XIX в. побуждали переводчиков избирательно подходить к выбору бернсовских оригиналов, а также смягчать их общественное звучание. В частности, выбор М.Л. Михайлова пал на произведение, изображавшие трудности повседневной крестьянской жизни (например, «To a Mountain Daisy, On Turning One Down With The Plough», «To A Mouse»), И.И. Козлов интерпретировал стихотворение «The Cotter's Saturday Night», идеализирующее патриархальную сельскую жизнь. Тенденция к консервативному переосмыслению творчества Бернса отчетливо выразилась в переводах В.Д. Костомарова, избравшего, наряду с шуточными (например, «Who is that at my bower-door?..»), и общественно значимые произведения шотландского автора.

В 1862 г. на страницах сборника «Поэты всех времен и народов» был впервые опубликован перевод стихотворения Бернса «*A Man's a Man for A' That...*», выполненный В.Д. Костомаровым [11]. Отметим, что сборник, увидевший свет в 1862 г., был подготовлен значительно раньше, в частности, цензурное разрешение на него получено 11 февраля 1861 г. [12. С. 274]. Отсылающее к «Правам человека» Т. Пейна заглавие оригинала, декларативно звучащее в дословном переводе как «Человек есть (это) прежде всего человек», было изменено В.Д. Костомаровым на нейтральное – «Прежде всего». Современники весьма доброжелательно оценили старания В.Д. Костомарова, так, Д.И. Писарев в рецензии «Вольные русские переводчики» (1862) поблагодарил интерпретатора за «замечательный по идее и выполнению» перевод, осуществленный «просто и изящно», сохранивший «тот оттенок юмора и ту непринужденность оборотов, которыми отличается подлинник» [13. С. 248–249]. Д.И. Писарев высоко оценил четыре начальные строфы, «превосходно» передавших «гордое сознание человеческого достоинства и спокойное презрение к искусственным понятиям знатности и светской чести», и два заключительных стиха «Чтоб человеку человек / Был брат прежде всего» [14. С. 14], которые «спасли общее впечатление» [13. С. 249]. При этом критик негативно воспринял пятый куплет, «грешащий пиетизмом» («Молитесь все, чтоб Бог послал / Нам царствие свое, / Чтоб честный труд на свете стал / Почетнее всего»

[14. С. 14]), а также предварявшую переводы весьма поверхностную оценку произведений Бернса, сводившуюся лишь к «прибавлению эпитетов превосходная, прекрасная, прелестная» [13. С. 248].

На рубеже XIX–XX вв. перевод В.Д. Костомарова вызывал противоречивые суждения. В статье «Роберт Бэрнс», опубликованной в № 8 журнала «Русская мысль» за 1896 г., И. Иванов оценивал его как «весьма неточный в самых характерных местах» [15. С. 88]. В 1904 г. интерпретация, лишенная вольнолюбивых настроений шотландского оригинала, была републикована в сборнике «Роберт Борнс и его произведения в переводе русских писателей» [14. С. 13–14]. В анонимной рецензии на сборник, увидевшей свет в № 2 журнала «Русская мысль» за 1905 г., перевод В.Д. Костомарова, открывавший книгу, вновь назывался «очень удачным» [16. С. 53], причем это был единственный во всем издании перевод «остросоциального» произведения, несмотря на возраставший интерес к общественной тематике на фоне событий первой русской революции.

В советском литературоведении ранний перевод «*A Man's a Man for A' That...*», осуществленный В.Д. Костомаровым, вызывал категорическое неприятие. С.А. Орлов в статье «Бэрнс в русских переводах» (1939) отметил в пятой строфе костомаровского перевода нарочитое искажение оригинального замысла, «приспособление стихотворения в своих классовых целях» [17. С. 235], смягчение его тональности. Схожа в оценках и А. Бобылева, отметившая в статье «Роберт Бернс в русских переводах» (1959), что В.Д. Костомаров «видел в Бернсе не гордого и смелого борца за человеческое достоинство, а смиренного певца “чистых и звонких песенок”», отчего голос поэта «сменяется голосом проповедника из благотворительного общества» [18. С. 143]. Следует отметить, что, размышляя об атмосферности перевода, исследователи забывали непосредственно о его содержании, в силу специфики которого смена тональности, откровенный пиетизм, изменения оттенков описания являлись далеко не самыми главными промахами. Основная проблема прочтения В.Д. Костомарова заключается в стремлении переводчика адаптировать оригинальное произведение для отечественного читателя, заменив шотландские реалии крестьянской жизни откликом на чаяния простого русского труженика.

В.Д. Костомаров смог вытеснить Бернса практически из каждого стиха; в частности, если оригинал начинается с вопроса, должен ли честный нищий склонить свою голову («Is there, for honest poverty / That hangs his head, and a' that?») [19. P. 219]), заставляющего задуматься, кому адресовано сказанное – аристократической элите или крестьянскому люду, а заодно подчеркивающего полемизм и общественную значимость описания, то первые стихи перевода представляют собой обращение к бедняку с призывом оставаться честным и трудиться, причем повторяющаяся лексема *трудись* явно указывает на причину нищенствования крестьянина: «Бедняк, будь честен и трудись, / Трудись прежде всего!» [14. С. 13]. Мысль Бернса о трусливом рабе («the coward-slave, we pass him by, / We dare be poor for a' that!») [19. P. 219]) остается непонятой В.Д. Костомаровым, который не

осознает, что под «*the coward-slave*» поэт, вероятно, подразумевает арендодателя земли (вельможу), отбирающего последние крохи у фермера, и переводит выражение просторечием *холоп*, к тому же добавляя чуждый оригиналу оттенок – «отвернись с презреньем». Концовка первой строфы перевода сохраняет от текста подлинника лишь оборот «*the guinea's stamp*» [штемпель / печать гиней]: «Прежде всего, прежде всего / Пред знатым не бледней, – / Ведь знатность *штемпель у гиней* / И больше ничего!» [14. С. 13]. Мысль Бернса много глубже: поэту важно подчеркнуть, что усилия крестьян остаются незамеченными («*our toils obscure*»), что титулы и звания – всего лишь печать на монете, тогда как человек является тем золотом, из которого эти монеты чеканятся («*the man's the gold for a' that*»); напротив, костомаровский призыв «не бледнеть» перед знатностью, оставаясь общим местом без особого содержательного наполнения, ослабляет идейную глубину подлинника.

Переводческие вольности можно видеть по всему русскому тексту, причем в отдельных случаях В.Д. Костомаров использует экспрессивные, просторечные лексемы, диссонирующие с обыденностью, повседневностью бернсовского описания, например *домашняя пицца* (*homely fare*) заменена на *черствый хлеб*, оборот *одеты в грубый твид* (*wear hoddin grey*) русифицирован – *из поскони кафтан, показной блеск* (*tinsel show*) превращен в *глупый звон*, слова о человеке *независимого мышления* (*The man o' independent mind*) заменены упоминанием о *детях труда*. Если для оригинала Бернса характерны глубокие суждения афористического типа, то для перевода В.Д. Костомарова – купирование этих суждений с акцентировкой отдельных деталей и полной утратой идейного наполнения, ср.: «*Gie fools their silks, and knaves their wine*» [19. P. 219] (*Дайте дуракам их шелка, а лжецам их вино*) – «*Другой и в бархат разодет*» [14. С. 13]; «*Tho' hundreds worship at his word*» [19. P. 219] (*Хотя сотни поклоняются его слову*) – «*Что он своим богатством горд*» [14. С. 14]; «*The pith o' sense, an' pride o' worth, / Are higher rank than a' that*» [19. P. 219] (*Смысл разума и ценность гордости / Есть высший титул*) – «*Честь наша – высшие чины / И ум прежде всего*» [14. С. 14]. В заключительном октете переводчик решительно отдаляется от замысла шотландского поэта, подчеркнув второстепенную деталь – *let us pray* (*давайте помолимся*) – и тем самым отчасти лишив описание демократической направленности. Стихотворение Бернса наполнено верой не в божий промысел, а в обретение счастья в общечеловеческом единении, при котором люди становятся братьями (см.: [20. С. 374]).

В 1936 г. в сборнике «Избранной лирики» Р. Бернса в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник увидело свет новое прочтение «*A Man's a Man for A' That...*», озаглавленное как «Честная бедность»; впоследствии это, несомненно, удачное название перевода было использовано С.Я. Маршак, С.А. Орловым, Е.Д. Фельдманом. Несмотря на отдельные огрехи, обусловленные небрежностью в выборе лексем из синонимического ряда (придавить, одёжа, выставка, рожа, синклит), привнесением неоправданных художественных деталей (пусть скудно мы едим и пьем, произвесть

<...> в вельможи), Т.Л. Щепкина-Куперник добилась желаемого результата – «перевела его [стихотворение Бернса] честно» [21. С. 315], «внешне близко к подлиннику» [22. С. 80]. Следует отметить пиетизм начала и концовки перевода, не свойственный оригиналу, но вполне уместный с позиций передачи эмоциональной атмосферы подлинника. Наконец, в переводе сохранены и великолепно обработаны «ключевые» стихи, заключающие в себе мысли, волнующие шотландского поэта: «Хоть бедны, но горды мы все же. / <...> / Безвестен труд наш – слова нет, / <...> / Дурак – в шелках, а плуг – с вином... / <...> / Нас мишурой не обмануть; / Все ленты, звезды, ордена, – / Как эта выставка смешна / Тому, кто независим все же! / <...> / Создать же истинную честь / И сам король не в силах все же! / <...> / Настолько больше есть цены / В уме и благородстве все же!» [23. С. 93–94].

Т.Л. Щепкина-Куперник отчетливо передала социальную тональность подлинника, в котором ощущаются нарастающее недовольство повседневным укладом жизни, ироничное высмеивание сложившихся устоев элитарного общества, надежда на грядущие перемены. В заключительных стихах «Наступит тот счастливый век, / Что человеку человек / И вправду братом будет...» переводчица, будто припомнив трагическую судьбу шотландского поэта, умершего от болезней спустя всего год после написания стихотворения (см.: [24. С. 65]), пророчит нескорое, но вместе с тем и неизбежное гуманистическое обновление мира, изменение отношения людей друг к другу. Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник и поныне, несмотря на множество попыток новой интерпретации «A Man's a Man for A' That...», является, по нашему мнению, наиболее удачным, поскольку сохраняет не только общий смысл, но и атмосферу доверительного общения со свойственными ему незатейливостью и глубиной, умением увидеть вокруг и сиюминутное и вечное. Выполненный, по оценкам исследователей середины XX в., «интонационно бедно» [21. С. 315], лишенный «прелести игры словом, ритмичности словесных сочетаний, музыки стиха» [25. С. 13], а также значимого для подлинника припева, «подхватываемого хором с бодрым, плясовым ритмом» [22. С. 81], этот перевод переоценивается и воспринимается ныне как вполне удачный опыт мастера художественного слова.

Переводы «A Man's a Man for A' That...», созданные С.Я. Маршаком (1938) [3. Р. 187–188; 26; 27. С. 5] и С.А. Орловым (1959) [28. С. 25–26], акцентировали внимание на музыкальной составляющей бернсовского стихотворения, подчеркивали его песенную форму, приближенность к народной шотландской балладе. Появление перевода С.Я. Маршака привлекло внимание советских литературоведов к бернсовскому оригиналу и возможностям его интерпретации. В частности, Л.М. Аринштейн отметил заимствование начальной строки и припева стихотворения из шотландской фольклорной песни, бытовавшей в нескольких текстовых вариантах [29. С. 645]. С.А. Орлов считал источником бернсовского вдохновения «старошотландские баллады, песни, полные красок, живописи и чувств», которые приобрели «особую прелесть», оказавшись «в руках мастера»; поэзия Бернса, таким образом, становилась «плоть от плоти и кость от кости шот-

ландской народной поэзии» [17. С. 227]. Т.Б. Лиокумович также видел основы напевности бернсовского стихотворения в «музыкальных мотивах народной песни» [30. С. 76]. Акцентируя внимание на свидетельстве Бернса, что именно старые народные песни, услышанные в детстве, помогли прорасти в его сознании дремавшим зернам поэзии и что мелодия всегда являлась к нему раньше стиха, Б.Е. Галанов назвал основной задачей переводчика «A Man's a Man for A' That...» сохранение «народно-песенной стихии», позволяющей представить бернсовское произведение «в устах фермера, идущего за плугом, или веселых девушек и парней, пляшущих под скрипку на сельской вечеринке» [31. С. 240]. Однако не только очарование фольклором собственной страны объясняется столь верное следование песенной структуре; А.А. Голиков, комментируя плачевное состояние шотландской народной песни в конце XVIII в., отмечал, что «патриотическим долгом» Бернса было «записать все сохранившиеся тексты и фрагменты народных песен» и «восстановить то, что было искажено, дописать то, что было утеряно» [32. С. 116]. В зависимости от состояния оригинального материала песня либо оставалась в ее первоизданном виде, либо претерпевала незначительную редакционную правку, либо полностью обрабатывалась Бернсом, сохраняя первоначальную идею и при этом насыщаясь фольклорными реминисценциями. Опираясь на высказывание Вальтера Скотта, утверждавшего, что «редко какая-либо песня <...> прошла через его [Бернса] руки, не подвергшись тем магическим прикосновениям, которые, не изменяя ее значительно, возрождали ее первоначальный дух», А.А. Голиков называл Бернса «не столько творцом, сколько передатчиком старых песен» [32. С. 117]. По наблюдению исследователя, «мелодия и припев "A Man's a Man for A' That..." взяты из якобинских песен, отдельные фразы – из непристойных застольных песен» [32. С. 117], тогда как смысл и дух стихотворения принадлежат Бернсу.

В статье Е.С. Белашовой «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» (1958) краткие упоминания неудачных интерпретаций «A Man's a Man for A' That...» В.Д. Костомаровым, искажившим идею подлинника, и Т.Л. Щепкиной-Куперник, которая при всей «внешней близости» [22. С. 80] оригиналу навязывала ему чуждые настроения, соседствуют с подробным панегирическим рассмотрением маршаковского перевода. На взгляд Е.С. Белашовой, С.Я. Маршак смог передать читателю «и содержание, и живой юмор¹, и своеобразие стиля подлинника», позволил «почувствовать прелесть игры слов, ритмичность словесных сочетаний, музыку стиха» [22. С. 80]. Исследовательница отчетливо видит многочисленные ошибки С.Я.Маршака как переводчика, однако всячески стремится подчеркнуть то, что они «очень незначительны» и не способны затмить метко-

¹ Вряд ли целесообразно искать юмор в мятежном стихотворении, создававшемся больным, полностью разочарованным жизнью Бернсом. Впрочем, веселе и юмор пытался найти в этом произведении и Е.Г. Эткинд, назвавший перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник «мертвым слепком яркого, веселого подлинника» [21. С. 315].

сти, афористичности оригинальных стихов; содержание, хотя и подверглось изменениям, «сжато, но не скомкано» [22. С. 80], замены сохранили «рамки стиха и ясность мысли», а привнесенные строки выразили «чувство презрения» (см.: [22. С. 80–81]). Вместе с тем уже в первой строфе С.Я. Маршак отказался от интерпретации конца третьей и целиком четвертой строк оригинала «...we pass him by, / We dare be poor, for a'that!» [19. P. 219] (...мы пройдем мимо него, / Мы не боимся быть бедными, несмотря на все), ввел в описание дополнительную деталь («самый жалкий из людей»), а оборот «hang his head» (вешает голову) заменил глаголом стыдиться. Варьирующийся в четных строках рефрен for a' that переведен С.Я. Маршаком как и прочее, что не соответствует шотландскому несмотря на все; впрочем, в пятой и шестой строках неожиданно появляется разговорная параллель с английским оригиналом: «При всем при том, / При всем при том». Другими текстуальными изменениями, допущенными С.Я. Маршаком в первом октете, были замена лексемы guinea (гинейя) субстантивированной лексемой золотой, не в полной мере отражающей историческую реалию¹, лексемы the man (человек) на мы сами; вместо чинов и титулов (rank) С.Я. Маршак говорит о богатстве, наконец, глубокая мысль подлинника «Our toil's obscure» (Труд наш безвестен) превращается у русского переводчика в запоминающийся, но бессодержательный повтор при всем при том.

Второй октет также претерпел изменения, кардинально уводящие перевод от шотландского источника. Подыскивая более сильные синонимы, стремясь к сохранению ритма, С.Я. Маршак рисует картину беспросветной жизни бедняка, питающегося лишь *хлебом и водой* (вместо *скудной пищи*), *укрывающегося тряпьем* (в оригинале – *носящего грубую одежду*). Использование лексемы *укрываться* создает ощущение неуютности, бездомности, подчеркивает желание спрятаться от непогоды, что никак не коррелирует с образом честного труженика. Вновь переводчиком опущено начало первой строки – *what though (что с того)*, в результате чего появляется отсутствующая в оригинале анафора: «Мы хлеб едим и воду пьем, / Мы укрываемся тряпьем» [3. P. 187]. Контекст последующих строк перевода остался искаженным в силу опущения ключевого бернсовского вывода, ср.: «*Gie fools their silks, and knaves their wine / A man is a man for all that*» [19. P. 219] (*Дайте дуракам их шелка, а лжецам их вино / Человек является человеком, несмотря на все*) – «*A между тем дурак и плут / Одеты в шелк и вина пьют*» [3. P. 187]. Отмечая, что «полнозвучие рифмы и добавочная рифмовка нечетных строк компенсируют потерю бернсовских созвучий» [22. С. 82], Е.С. Белашова готова простить переводчику нарушения мелодичности подлинника, о восхитительности которой рассуждала ранее.

¹ Упоминание золотого (золотого рубля) являет собой очевидный пример русификации, тем более неоправданной в силу разных «весовых категорий» двух денежных единиц: если 1 золотой рубль приравнялся к 0,774234 г. чистого золота, то 1 гинейя – к 7,322382 г. чистого золота.

В концовке второго октета, по наблюдению Е.С. Белашовой, «в основном отраженной [переводчиком] полностью» [22. С. 82], от Бернса в реальности не остается ни строки, поскольку С.Я. Маршак создает оригинальные стихи с самой общей опорой на ключевые смысловые образы шотландского поэта. Именно здесь Е.С. Белашова усматривает «большую поэтическую верность» [22. С. 82] подлиннику, ср.: «For a' that, and a' that, / Their tinsel show, an' a' that; / The honest man, tho' e'er sae poor, / Is king o' men for a' that» [19. P. 219] (Несмотря на все это и все прочее, / На их парадный блеск и все прочее; / Честный человек, хоть он так беден, / Король над людьми, несмотря на все) – «При всем при том, / При всем при том, / Судите не по платью. / Кто честным кормится трудом, / Таких зову я знатью» [3. P. 187].

В третьем октете Е.С. Белашова вновь наблюдала за «более яркими», «полнее отражающими интонации бернсовских стихов» текстуральными отклонениями С.Я. Маршака, проявившимися в опущениях строк («The man o' independent mind / He looks an' laughs at a' that» [19. P. 219]), добавлении тавтологических повторов («бревно бревном останется! / <...> / Бревно останется бревном» [3. С. 188]), замене отдельных художественных деталей (шотландское слово *birkie* (самодовольный щеголь) переведено на русский язык как *шут*). Примечательно, что в ранней версии перевода, напечатанной в «Литературной газете» в августе 1938 г., спустя месяц после его первой публикации в июле 1938 г. на страницах журнала «Крокодил» [26], вместо лексемы *шут* была использована другая – *хлыщ* [27. С. 5].

По наблюдению Е.С. Белашовой, контекст четвертого восьмистишия в переводе «предельно сжат» в угоду его форме, С.Я. Маршак «жертвует второстепенными деталями» [22. С. 87]. Действительно, лексемы из двух стихов *a belted knight* (рыцарь в ремнях), *a marquis* (маркиз), *duke* (герцог) оказались заменены одним существительным – *генерал*; выражения *can mak* (может сделать) и *abon his might* (выше его возможностей) переданы дважды одним и тем же глаголом *назначить*, ср.: «A prince can mak a belted knight, / A marquis, duke, an' a' that; / **But an honest man's** abon his might, / Gude faith, he maunna fa' that!» [19. P. 220] – «Король лакея своего / Назначит генералом, / Но он не может никого / Назначить **честным малым**» [3. P. 188].

В заключительном восьмистишии Е.С. Белашова акцентирует внимание лишь на опущении С.Я. Маршаком выражения *let us prey* (так помолимся), выпадающего из общей тональности описания. Восторженно оценивая маршаковскую интерпретацию, сохранившую «демократические мотивы, обличительную струю, характерные образы и своеобразную форму шотландской народной песни» [22. С. 89], Е.С. Белашова решительно не обращает внимания на затянутость перевода, его увеличение с 40 до 52 стихов, во многом из-за чрезмерного удвоения строк «при всем при том», подчеркивавших всю неизбежность демократических изменений. Ради сохранения формы стихотворения С.Я. Маршак пожертвовал основным бернсовским образом, идеалом честного независимого человека, к которому шотландский поэт возвращался по всему тексту снова и снова – «*honest poverty*», «*the honest man*», «*an honest man*», «*the man of independent mind*».

Схожую оценку результатам переводческой работы С.Я. Маршака дал К.И. Чуковский, охарактеризовавший интерпретацию «*A Man's a Man for A' That...*» как «наиточнейшую», «воспроизводящую “не букву – буквой, но юмор – юмором, красоту – красотой”» [33. С. 61]. В дневниковой записи от 1 марта 1964 г. К.И. Чуковский сообщил о творческом вечере, на котором С.Я. Маршак прочитал свой перевод «Честная бедность» [34. С. 385]. Сравнив два четверостишия из второго и третьего октетов оригинала с переводом С.Я. Маршака, К.И. Чуковский не обнаружил в них «ни “бревна”, ни “шута”, ни “природного лорда” <...>, ни “щегольства”, ни “важной походки”, ни взоров обличаемого автором вельможи, ни благоговения “со-тен” перед каждым словом этого глупого щеголя <...> нет ни “воды”, ни “тряпья”, а повелительное наклонение заменено изъяснительным» [33. С. 61–62]. И при этом он отметил «максимальную точность» переводчика, справившегося с передачей «мыслей и эмоций» подлинника, воссоздавшего его «крылатую афористичность» и «саркастическую интонацию» [33. С. 62]. На наш взгляд, перевод С.Я. Маршака логичнее считать оригинальным стихотворением на мотив «*A Man's a Man for A' That...*» Бернса, нежели собственно переводом. В статье «Некрасов и зарубежная поэзия (поэзия Некрасова в ее отношении с литературным процессом за рубежом)» (1969), опубликованной в пятом выпуске «Некрасовского сборника», А.Л. Григорьев отметил сходство маршаковского прочтения «Честной бедности» с «Песнью о труде» Н.А. Некрасова и объяснил это сходство ориентированностью С.Я. Маршака на творчество великого предшественника, общим для них «демократическим пониманием человеческого достоинства» (см.: [35. С. 118]).

Перевод С.А. Орлова, ставший некоей «пробой пера» литературоведа, ориентировался на интерпретацию С.Я. Маршака и потому перенял многие ее недостатки. В опубликованном в 1959 г., к 200-летию со дня рождения Бернса, переводе С.А. Орлов отказался от деления на строфы, а также использовал для большей мелодичности перекрестную рифмовку. Перевод увеличился на четыре стиха вследствие повтора «при всем при том», заменяющего припев и слегка размывающего структуру строф. Стараясь изобразить «бунтующего» Бернса, С.А. Орлов огрубляет описание, делает его жестче, оценочнее и категоричнее: «Раба и труса жалок вид»; «Дурак в шелку, богач с вином, / Но разве это люди?»; «Мы тряпкой ленту назовем» [28. С. 25]. Заключительные стихи перевода С.А. Орлова почти полностью повторяют перевод С.Я. Маршака, при том что подражание всегда уступает образцу, ср.: «Настанет день и час пробьет, / Когда уму и чести / На всей земле придет черед / Стоять на первом месте» (С.Я. Маршак; [3. Р. 188]) – «Еще таятся день во мгле, / Когда, скажу по чести, / И ум и честь по всей земле / На первом станут месте» (С.А. Орлов; [28. С. 26]).

Высылая стихотворение «*A Man's a Man for A' That...*» Джорджу Томсону, Бернс иронически парировал мнение критика, считавшего «любовь и вино» единственными темами народной песни: «...нижеследующее стихотворение не относится ни к тому, ни к другому предмету, следовательно,

не песня» [36. С. 140]. В таком случае рассуждения об обязательной для перевода «A Man's a Man for A' That...» мелодичности, равно как и попытки отечественных интерпретаторов создать произведение, внешне напоминающее народную песню, представляются если не ошибочными, то, по крайней мере, далеко не единственно правильными. А.А. Елистратова отметила, что это стихотворение являлось не «случайным экспромтом», а «кристаллизацией мыслей и поэтических мотивов» [36. С. 140] всего творческого наследия Бернса; оно должно рассматриваться как «демократический манифест передовой общественной мысли Шотландии» [36. С. 140] своего времени. Нарочито простая лексика подлинника, соответствовавшая его духу, позволила поэту выступать от имени толпы, – он изъяснялся языком людей труда, а не «языком просветительских абстракций» [36. С. 140].

Появившиеся практически одновременно современные переводы «A Man's a Man for A' That...» Бернса Е.В.Витковского (2013) [37. С. 118–119], С. Сапожникова (опубл. 2014) [38. С. 547–549] и Е.Д. Фельдмана (опубл. 2017) [39. С. 322–324] верно передали атмосферу общественной нетерпимости и возмущения, однако совершенно не следовали тексту подлинника, вольно трактуя бернсовские строки, внося новые идеи и смыслы. В прочтении Е.В. Витковского, находящемся где-то на грани между переводом и оригинальным сочинением, невнимание к историческим и жизненным реалиям привело к расстановке иных акцентов и ориентиров. Весь посыл прочтения Е.В. Витковского сводится к «покорности» честного труженика, простого поселянина, ведь «кто чует сам в себе раба – тот раб и есть» [37. С. 118]; в итоге огонь страстей, пафосность ослабевают, сменяясь описанием каждодневности. Отметим и смену акцентов в потребностях бедняка: если у Бернса он жаждет единства и сытости, то у Е.В. Витковского нуждается в том, чем уже обладает, – в «куске земли да зернах» [37. С. 118]. Вместо «будущего, которое принесет свободу и равенство» [40. С. 159], условия жизни, при которых каждый человек станет друг другу братом (см. об этом: [41. С. 4]), в финальных строках возникает тривиальная утопия: «Все войны – под запретом, / А брата брат отныне рад / Обнять пред белым светом!» [37. С. 119].

С. Сапожников, предложивший новый вариант заглавия перевода – «Но люди – мы при этом...», поспешен, многословен и тем чужд оригиналу с его максимальной выразительностью, достигавшейся тщательным подбором слов, *наиболее компактных, запоминающихся фраз, отходом от абстрактности и многосложности*. Переводчик разрушает лексико-стилевое единство подлинника, неудачно используя просторечия и бытовизмы (*поник башкой, сплошь в цацках двор, вот тот вон тип, чурбан*). В числе достоинств перевода отметим удачные, максимально точные трактовки отдельных строк, в частности концовки первой строфы, где переводчик мастерски справился с вызывавшими сложности оборотами и выражениями «toil obscure», «the guinea stamp», «the Man's the gowd» («For a' that, an' a' that. / Our toils obscure an' a' that, / The rank is but the guinea's stamp, / The Man's the gowd for a' that» [19. P. 219] – «При этом, при этом, / Наш труд сокрыт, при

этом, / *Чин – на гинее штамп след, / А золото – мы, при этом*» [38. С. 547]), а также концовки четвертого октета, ср.: «For a' that, an' a' that, / Their dignities an' a' that; / *The pith o' sense, an' pride o' worth, / Are higher rank than a' that*» [19. P. 220] – «(При этом, при этом, / Напыщен двор, при этом). / Но сила разума и честь / *Важней чинов, при этом*» [38. С. 547].

Среди прочих современных прочтений «*A Man's a Man for A' That...*» особый интерес вызывает перевод Е.Д. Фельдмана, в определенной степени передавший мелодичность и художественность бернсовского подлинника. Переводчик не сохранил размер стихотворения, заменив четырехстопный ямб четырехстопным амфибрахией с оригинальным чередованием мужских и женских рифм. В каждой строфе перевода отчетливо слышна сопричастность крестьянскому миру. Сохранив социально-демократические мотивы, нарастающие протестные ноты, саркастические оценки традиционных устоев и порядков, построенных на власти денег и лицемерия, Е.Д. Фельдман простым включением лексемы *шотландцы* в каждую строфу позволяет гордому чувству независимости звучать еще громче и напористее. Творческая задумка Е.Д. Фельдмана никак не искажает бернсовского замысла, наоборот – позволяет сказать то, что шотландский поэт вуалировал в своем произведении.

Русская литература отозвалась на стихотворение Бернса, причем первые из откликов появились в 1960-е гг., когда, благодаря многочисленным массовым изданиям перевода С.Я. Маршака, размышления шотландского поэта о «честной бедности» стали широко известны и популярны в литературной среде. Последующие общественные события, продвижение значимости материальных благ, их превалирование над духовными ценностями усилили внимание к устойчивому образу «честной бедности» со стороны многих представителей творческой интеллигенции, называвших себя подлинной элитой и противопоставлявших миру корысти и алчности богатство своего духовного мира. Так, стихотворение Бернса читают герои романа Л.С. Рудневой «Память и надежда» (1967); юмористический рассказ М.А. Мишина «Грани» (1998) завершается очевидной аллюзией из перевода С.Я. Маршака – «Все люди станут – братья»; в повести Г.Е. Фукса «Двое на барабане» (2003) содержатся размышления о «неприкрытой честной бедности», что проступает через «каждый предмет домашнего скарба». С.Н. Есин писал об аккуратности как «знамени» честной бедности («Стоящая в дверях», 1992), а М.М. Чулаки в своем последнем романе «Примус» (2002) – о людях, что «в жизни только и жаждут денег, а от романов или опер с балетами ждут бескорыстия и прославления честной бедности». В романе А.М. Терехова «Каменный мост» (2009) привычка к честной бедности и чтению книжек становится отличительной особенностью старожилов Дома на набережной, передавшейся им с генами старых большевиков. В своих дневниковых записях, относящихся к концу апреля – началу мая 1968 г., К.И. Чуковский, отмечая хищничество и «пиратские склонности» С.Я. Маршака, готов был простить ему это, вспоминая строки из «Честной бедности»: «Ибо “при всем при том” я не мог не видеть, что Маршак великоле-

пый писатель, создающий бессмертные ценности, что иные его переводы <...> производят впечатление чуда, что он неутомимый работяга и что у него есть право быть хищником» [34. С. 495]. Наконец, сохранилась и эпиграмма, сочиненная неизвестным недоброжелателем С.Я. Маршака, непосредственно под впечатлением от «Честной бедности», и распространявшаяся изустно: «При всем при том, / При всем при том, / При всем при том, при этом / Маршак остался Маршаком, / А Роберт Бернс – поэтом».

Для творчества Бернса была значима не всемирная отзывчивость, не склонность к нарочитым обобщениям, а подлинная, глубинная народность, состоявшая во внимании к личному и национальному. В этой связи «*A Man's a Man for A' That...*» следует воспринимать скорее как декларацию гордости и достоинства шотландского землепашца, нежели как «дерзкую оду» [42. С. 138], «Марсельезу простого люда» [1. С. 272], произведение, проникнутое «республиканской гордостью» [36. С. 65]. Роберт Бернс доподлинно знал, о чем писал, и его голос был голосом народа, «независимо от того, говорил ли он от имени осторожного любовника или буйного пьяницы, неверного супруга, солидного семьянина или гневного демократа, восклицавшего: “Этот шут – природный лорд!”» [43. С. 7]. Он не делал шотландского простолюдина лучше, нежели он был прежде, но он давал нечто более ценное, чем условная мораль, – «эстетическое сознание своих радостей и печалей, своей природы и судьбы», наделял лирического героя «новым чувством человечности» [43. С. 7]. Именно такое понимание «*A Man's a Man for A' That...*», на наш взгляд, наиболее точно передает бернсовский замысел. При всех отмеченных нами недостатках многочисленных русских интерпретаций «*A Man's a Man for A' That...*» позволяют наглядно проследить эволюцию принципов художественного перевода, понимания способности переводного текста выражать те же коммуникативные установки, что и оригинал. Результат зависел от творческой индивидуальности интерпретаторов «*A Man's a Man for A' That...*», их переводческой манеры, предпочтительного внимания к сохранению художественности, мелодичности, напевности или, напротив, способности пожертвовать ими ради точного воссоздания содержательных особенностей подлинника, наконец, от идеологической ситуации в российском обществе в период создания того или иного перевода. Многочисленные суждения русской критики и литературоведения о бернсовском произведении (в том числе представлявшие параллели с творчеством русских писателей), аллюзии на него в русской литературе (особенно многочисленные в последние десятилетия, начиная с 1960-х гг.) свидетельствуют о том, что оно, будучи неоднократно переведенным на русский язык, прочно вошло в отечественное культурное сознание, оказалось созвучно мировосприятию людей, чуждых корысти и алчности, способных довольствоваться малым, не утрачивая человеческого достоинства и в сложных жизненных ситуациях. В произведении Бернса каждый интерпретатор, критик, исследователь находит подтверждение своим мыслям, взглядам на жизнь, представлениям о будущем, о человеке, его праве на свободу и счастье.

Литература

1. Райт-Ковалева Р.Я. Роберт Бернс. М. : Молодая гвардия, 1965. 352 с.
2. Ружица К. Томас Пэйн и его судьбоносный трактат «Права Человека» // Слово / Word. 2010. № 67. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2010/67/tomas-pejn-i-ego-sudbonosnyj-traktat-8220-prava-cheloveka-8221.html>
3. Paine Th. Rights of man: Common sense and other political writings. Oxford ; New York : Oxford univ. press, 1998. XXXIII, 504, [1] p.
4. Гутнер М.Н. Бернс // История английской литературы : [в 3 т.]. М. ; Л., 1945. Т. 1, вып. 2. С. 623–633.
5. Ле Кор П. Трагическая жизнь и благородная поэзия Роберта Бернса // В защиту мира. 1959. № 100. С. 63–72.
6. Маршак С.Я. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3: Переводы из английских и шотландских поэтов. М. : Худож. лит., 1969. 832 с.
7. Севрюгина Л.В. Роберт Бернс – великий шотландский поэт : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 16 с.
8. Гутнер М.Н. Роберт Бернс // Литературная газета. 1938. № 45 (15 авг.). С. 5.
9. Твардовский А.Т. Роберт Бернс в переводах С. Маршака: [Рец. на кн.: Роберт Бернс в переводах С. Маршака / вступ. ст. М.М. Морозова. М.: Гослитиздат, 1950] // Новый мир. 1951. № 4. С. 225–229.
10. Болдырев Ю. Большое сердце поэта // Бернс Р. В горах мое сердце: Песни, баллады, эпиграммы в переводах С. Маршака. М., 1971. С. 5–18.
11. Поэты всех времен и народов : сборник, издаваемый В.Д. Костомаровым и Ф.Н. Бергом. М., 1862. [4], II, 176, IV с.
12. Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М. : Книга, 1965. 592 с.
13. Писарев Д.И. Вольные русские переводчики. «Сборник стихотворений иностранных поэтов» и «Поэты всех времен и народов». Переводы В.Д. Костомарова и Ф.Н. Берга. Москва. 1860–1862 гг. // Полное собрание сочинений : в 6 т. СПб., 1894. Т. 2. Стб. 235–252.
14. Бернс Р. Прежде всего («Бедняк, будь честен и трудись...») / пер. В.Д. Костомарова // Роберт Бернс и его произведения в переводе русских писателей / под ред. И.А. Белоусова. СПб., 1904. С. 13–14.
15. Иванов И. Роберт Бэрнс // Русская мысль. 1896. № 7. С. 44–65; № 8. С. 64–92.
16. Роберт Бернс и его произведения в переводе русских писателей / под ред. И.А. Белоусова ; с биограф. очерком ; изд. А.С. Суворина // Русская мысль. 1905. № 2. Библиограф. отд. С. 53–54.
17. Орлов С.А. Бернс в русских переводах // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 26: Кафедра всеобщей литературы. Л., 1939. С. 225–255.
18. Бобылева А. Роберт Бернс в русских переводах // Первый сборник студенческих работ. Вып. филологический. Орджоникидзе, 1959. С. 141–153.
19. *The Complete Works of Robert Burns: Containing his Poems, Songs, and Correspondence / With a New Life of the Poet, and Notices, Critical and Biographical by Allan Cunningham.* London : Virtue & Co, City and Ivy Lane, 1865. 454 p.
20. Белаиова Е.С. Переводы В.Д. Костомарова из Роберта Бернса // Научный ежегодник Черновицкого государственного университета за 1956 г. : в 2 вып. Черновцы, 1957. Вып. 2. С. 371–379.
21. Эткинц Е.Г. Поэзия и перевод. М. ; Л. : Сов. писатель, 1963. 431 с.
22. Белаиова Е.С. Роберт Бернс в переводах С. Маршака // Ученые записки Черновицкого государственного университета. Т. 30. Серия филологических наук. Вып. 6. Черновцы, 1958. С. 69–108.

23. Бернс Р. Избранная лирика / пер. с англ. Т.Л. Щепкиной-Куперник; ред., предисл. и коммент. С.Р. Бабуха. М. : Худож. лит., 1936. 160 с.
24. Уортон Т. История английской литературы / пер. с фр. СПб. : Издание «Вестника знания», 1910. 95 с.
25. Белаишова Е.С. Роберт Бернс в переводах С. Маршака : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Черновцы, 1959. 15 с.
26. Бернс Р. Из Роберта Бернса / пер. с англ. С.Я.Маршака // Крокодил. 1938. № 20. С. 4.
27. Маршак С. Из Роберта Бернса (Честная бедность; Джон Андерсон; Робин; Тебе одной; Лучший парень; Застольная; В горах мое сердце; Что делать девчонке?) // Литературная газета. 1938. № 45. 15 авг. С. 5.
28. Орлов С.А. Народный поэт Шотландии (к 200-летию со дня рождения Р. Бернса). Горький : [б. и.], 1959. 37 с.
29. Аришштейн Л.М. Комментарии // Бернс Р. Стихотворения / сост. И.М. Левидовой, послесл. Ю.Д. Левина, коммент. и глоссарий Л.М. Аришштейна. М. : Радуга. 1982. С. 559–670.
30. Лиокумович Т.Б. Мастерство С. Маршака – переводчика Бернса // Сборник студенческих научных работ. Смоленск, 1960. С. 74–85.
31. Галанов Б.Е. С.Я. Маршак: Очерк жизни и творчества. М. : Детгиз, 1962. 278 с.
32. Голиков А.А. Шотландские народные песни в обработке Роберта Бернса (вопросы языка и стиля) // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Л., 1982. Вып. 3. С. 115–124.
33. Чуковский К.И. Высокое искусство // Собрание сочинений : в 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей. М., 2001. С. 3–370.
34. Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. / сост., подгот. текста и коммент. Е.Ц. Чуковской. Т. 13: Дневник. 1936–1969. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. 640 с.
35. Григорьев А.Л. Некрасов и зарубежная поэзия (поэзия Некрасова в ее отношении с литературным процессом за рубежом) // Некрасовский сборник. V. Л., 1969. С. 116–129.
36. Елистратова А.А. Роберт Бернс: критико-биографический очерк. М. : Гослитиздат, 1957. 160 с.
37. Бернс Р. При этом, при этом («У честной бедности судьба...»); Минувшие года («В былом – неугасимый свет...»); Эпитафия шотландскому поэту Роберту Фергюссону / пер. Е.В. Витковского // Вечный слушатель. Семь столетий поэзии в переводе Евгения Витковского : в 2 т. М., 2013. Т. 1. С. 118–120.
38. Бернс Р. Собрание стихотворений / пер. и примеч. С. Сапожникова. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 1192 с.
39. Бернс Р. Стихотворения / пер., ст., коммент. Е.Д. Фельдмана; ст. Д.Н. Жаткина; ил. А.Ф. Кабанина. СПб. : Вита Нова, 2017. 520 с.
40. Колесников Б.И. Роберт Бернс: Очерк жизни и творчества. М. : Просвещение, 1967. 240 с.
41. Зенкевич М.А. Шотландский песенник // Литературная газета. 1946. № 32. 3 авг. С. 4.
42. Адалис А. Народный поэт // Октябрь. 1959. № 6. С. 132–138.
43. Ллойд А. Роберт Бернс – певец свободы // Британский союзник. 1946. № 29. С. 6–7.

The Russian Fate of Robert Burns's Poem "A Man's a Man for a' That ..."

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 299–316. DOI: 10.17223/19986645/74/17

Nikita S. Futlyayev, Dmitry N. Zhatkin, Penza State Technological University (Penza, Russian Federation). E-mail: futljaev.n@yandex.ru / ivb40@yandex.ru

Keywords: Robert Burns, poetic translation, reception, tradition, cross-cultural communication.

The article first comprehends the history of the Russian translation reception of Robert Burns's poem "A Man's a Man for a' That ...". The materials for the analysis are translations of the poem made by V.D. Kostomarov, T.L. Shchepkina-Kupernik, S.Ya. Marshak, S.A. Orlov, E.V. Vitkovsky, S. Sapozhnikov, and E.D. Feldman. Methodologically, the article relies on fundamental works in the field of historical poetics, comparative study, theory and history of poetic translation, and on works of domestic researchers on understanding Burns's heritage in Russia. The author notes the responses to Burns's poem and its Russian translations in the diary of K.I. Chukovsky, in the works of L.S. Rudneva, M.M. Chulaki, A.M. Terekhov, G.E. Fuchs, M.A. Mishin, and others. As a result of a comparative analysis of the translations of "A Man's a Man for a' That ...", the author infers that Russian interpreters fail to come close to the understanding of the original due to their orientation towards a softer social context (V.D. Kostomarov, E.V. Vitkovsky), a coarser harsh but noble verse of the original through the use of deliberately lower vocabulary (S. Sapozhnikov). The most famous interpretation of "A Man's a Man for a' That ..." by S.Ya. Marshak cannot be perceived differently than the original poem based on Burns's motif, which conveyed the ideological orientation of Burns's text, some of its features, but lost the key image, the ideal of an honest independent person, to which Burns repeatedly returned in his work. The most successful translation appears to be the one by T.L. Shchepkina-Kupernik: careless in working with the word, she manages to preserve the atmosphere of the original; in particular, she notes dissatisfaction with the daily way of life, ridicules the established foundations of an elitist society, expresses hope for future changes. This translation, preserving the diversity of themes and moods of the original, its simultaneous appeal to momentality and eternity, inevitably loses to the original, being largely deprived of the freedom to use the word, the game of shades and semitones. The example of the poem "A Man's a Man for a' That ..." shows the entire infinity, the limitlessness of Burns's universe, the comprehension of which comes through the personal experience of the translators, through their desire to find in the great poet confirmation of their own thoughts, ideas, views on life, society and people.

References

1. Wright-Kovaleva, R.Ya. (1965) *Robert Berns* [Robert Burns]. Moscow: Molodaya gvardiya.
2. Rukshina, K. (2010) Tomas Pejn i ego sud'bonosnyy traktat "Prava Cheloveka" [Thomas Paine and his fateful treatise "Human Rights"] *Slovo/Word*. 67. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/slovo/2010/67/tomas-pejn-i-ego-sud'bonosnyj-traktat-8220-prava-cheloveka-8221.html>
3. Paine, Th. (1998) *Rights of man: Common sense and other political writings*. New York: Oxford University Press.
4. Gutner, M.N. (1945) Berns [Burns]. In: *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Vol. 1 (2). Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 623–633. (In Russian).
5. Le Cor, P. (1959) *Tragicheskaya zhizn' i blagorodnaya poeziya Roberta Bernsa* [The tragic life and noble poetry of Robert Burns]. Translated from French. *V zashchitu mira*. 100. pp. 63–72.
6. Marshak, S.Ya. (1969) *Perevody iz angliyskikh i shotlandskikh poetov* [Translations from English and Scottish Poets]. In: Marshak, S.Ya. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Sevryugina, L.V. (1955) *Robert Berns – velikiy shotlandskiy poet* [Robert Burns – the great Scottish poet]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow: Moscow Regional Pedagogical University.
8. Gutner, M.N. (1938) Robert Berns [Robert Burns]. *Literaturnaya gazeta*. 45. 15 August. p. 5.
9. Tvardovsky, A.T. (1951) Robert Berns v perevodakh S. Marshaka: [Rets. na kn.: Robert Berns v perevodakh S. Marshaka / Vstup. st. M.M. Morozova. M.: Goslitizdat, 1950]

[Robert Burns in S. Marshak's translations. [Book Review: Marshak, S. (1950) Robert Burns in the translations of S. Marshak. An introduction by M.M. Morozov. Moscow: Goslitizdat]. *Novyy mir*. 4. pp. 225–229. (In Russian).

10. Boldyrev, Yu. (1971) Bol'shoe serdtse poeta [Big heart of the poet]. In: Burns, R. *V gorakh moe serdtse* [My Heart's in the Highlands]. Translated from English by S. Marshak. Moscow: Detskaya literatura. pp. 5–18.

11. Kostomarov, V.D. & Berg, F.N. (eds) (1862) *Poety vsekh vremen i narodov* [Poets of all times and peoples]. Moscow: Tip. M.N. Katkova.

12. Smimov-Sokolsky, N.P. (1965) *Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv* [Russian literary almanacs and collections of the 18th–19th centuries]. Moscow: Kniga.

13. Pisarev, D.I. (1894) Vol'nye russkie perevodchiki. "Sbornik stikhotvoreny inostrannykh poetov" i "Poety vsekh vremen i narodov" [Free Russian translators. "Collection of poems by foreign poets" and "Poets of all times and peoples"] Translations by V.D. Kostomarov and F.N. Berg. In: Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 6 t.* [Complete Works: in 6 volumes]. Vol. 2. Saint Petersburg: Erlich, Yu.N. pp. 235–252.

14. Burns, R. (1904) Prezhde vsego ("Bednyak, bud' chesten i trudis'...") [First of all ("Poor man, be honest and work ...")]. Translated from English by V.D. Kostomarov In: Belousov, I.A. (ed.) *Robert Berns i ego proizvedeniya v perevode russkikh pisateley* [Robert Burns and his works translated by Russian writers]. Saint Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina. pp. 13–14.

15. Ivanov, I. (1896) Robert Berns [Robert Burns]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 44–65; 8. pp. 64–92.

16. *Russkaya mysl'*. (1905) Robert Berns i ego proizvedeniya v perevode russkikh pisateley. Pod redaktsiei I.A. Belousova. S biograficheskim ocherkom. Izdanie A.S.Suvorina [Robert Burns and his works translated by Russian writers. Edited by I.A. Belousov. With a biographical essay. Published by A.S. Suvorin]. 2. pp. 53–54.

17. Orlov, S.A. (1939) Berns v russkikh perevodakh [Burns in Russian translations]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena*. 26. pp. 225–255. (In Russian).

18. Bobyleva, A. (1959) Robert Berns v russkikh perevodakh [Robert Burns in Russian translations]. In: *Pervyy sbornik studencheskikh rabot. Vyp. filologicheskiiy* [The first collection of student works. Vol. on Philology]. Ordzhonikidze: [s.n.]. pp. 141–153.

19. Cunningham, A. (1865) The Complete Works of Robert Burns: Containing His Poems, Songs, and Correspondence. In: Cunningham, A. *With a New Life of the Poet, and Notices, Critical and Biographical*. London: Virtue & Co, City and Ivy Lane.

20. Belashova, E.S. (1957) Perevody V.D. Kostomarov iz Roberta Bernsa [Translations by V.D. Kostomarov from Robert Burns]. In: *Nauchnyy ezhegodnik Chernovitskogo gosudarstvennogo universiteta za 1956 g* [Scientific Yearbook of Chernivtsi State University for 1956]. Vol. 2. Chernivtsi: Chernivtsi State University. pp. 371–379.

21. Etkind, E.G. (1963) *Poeziya i perevod* [Poetry and translation]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'. (In Russian).

22. Belashova, E.S. (1958) Robert Berns v perevodakh S. Marshaka [Robert Burns in the translations of S. Marshak]. *Uchenye zapiski Chernovitskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*. XXX (6). pp. 69–108. (In Russian).

23. Burns, R. (1936) *Izbrannaya lirika* [Selected lyrics]. Translated from English by T.L. Shchepkina-Kupernik. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

24. Warton, T. (1910) *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Translated from French. Saint Petersburg: Edition of the Bulletin of Knowledge.

25. Belashova, E.S. (1959) *Robert Berns v perevodakh S. Marshaka* [Robert Burns in S. Marshak's translations]. Philology Cand. Diss. Chernivtsi: Chernivtsi State University. (In Russian).

26. Burns, R. (1938) Iz Roberta Bernsa [From Robert Burns]. Translated from English by S.Ya. Marshak. *Krokodil*. 20. p. 4.

27. Marshak, S. (1938) Iz Roberta Bernsa (Chestnaya bednost'; Dzhon Anderson; Robin; Tebe odnoy; Luchshiy paren'; Zastol'naya; V gorakh moe serdtse; Chto delat' devchonke?) [From Robert Burns (Is There for Honest Poverty; John Anderson; Robin; Her Answer; The Highland Laddie; Auld Lang Syne; My Heart's in the Highlands; What Can A Young Girl?)]. *Literaturnaya gazeta*. 45. 15 August. p. 5.

28. Orlov, S.A. (1959) *Narodnyy poet Shotlandii (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya R. Bernsa)* [People's poet of Scotland (on the 200th anniversary of the birth of R. Burns)]. Gorky.

29. Arinstein, L.M. (1982) Kommentarii [Comments] In: Burns, R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Raduga. pp. 559–670.

30. Liokumovich, T.B. (1960) Masterstvo S. Marshaka – perevodchika Bernsa [Mastery of S. Marshak – translator of Burns] In: Andreev, N.V. (ed.) *Sbornik studentcheskikh nauchnykh rabot* [Collection of student research papers]. Smolensk. pp. 74–85. (In Russian).

31. Galanov, B.E. (1962) *S.Ya. Marshak: Ocherk zhizni i tvorchestva* [S.Ya. Marshak: Essay on life and work]. Moscow: Detgiz. (In Russian).

32. Golikov, A.A. (1982) Shotlandskie narodnye pesni v obrabotke Roberta Bernsa (voprosy yazyka i stilya) [Scottish folk songs in the processing of Robert Burns (questions of language and style)]. In: *Analiz stiley zarubezhnoy khudozhestvennoy i nauchnoy literatury* [Analysis of the styles of foreign fiction and scientific literature]. Vol. 3. Leningrad: Leningrad State University. pp. 115–124. (In Russian).

33. Chukovsky, K.I. (2001) Vysokoe iskusstvo [High art]. In: Chukovsky, K.I. *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected works: in 15 vols]. Vol. 3. Moscow: TERRA – Book Club. pp. 3–370.

34. Chukovsky, K.I. (2007) Dnevnik. 1936–1969 [Diary. 1936–1969] In: Chukovsky, K.I. *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected works: in 15 volumes]. Vol. 3. Moscow: TERRA – Book Club.

35. Grigoriev, A.L. (1969) Nekrasov i zarubezhnaya poeziya (poeziya Nekrasova v ee otnoshenii s literaturnym protsessom za rubezhom) [Nekrasov and foreign poetry (Nekrasov's poetry in its relation to the literary process abroad)]. In: *Nekrasovskiy sbornik* [Nekrasov collection]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 116–129. (In Russian).

36. Elistratova, A.A. (1957) *Robert Berns: Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Robert Burns: A Critical Biographical Essay]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

37. Burns, R. (2013) Pri etom, pri etom (“U chestnoy bednosti sud'ba...”); Minuvshie goda (“V bylom – neugasimyy svet...”); Epitafiya shotlandskomu poetu Robertu Fergyssonu [At the same time, at the same time (“Honest poverty has a fate ...”); Past years (“In the past - an unquenchable light ...”); An epitaph to the Scottish poet Robert Ferguson]. Translated from English by E.V. Vitkovsky. In: Vitkovsky, E.V. *Vechnyy slushatel'. Sem' stoletiy poezii v perevode Evgeniya Vitkovskogo: v 2 t.* [Eternal listener. Seven centuries of poetry translated by Evgeny Vitkovsky: in 2 vols]. Moscow: Aquarius. 1. pp. 118–120.

38. Burns, R. (2014) *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Translated from English by S. Sapozhnikov. Saint Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

39. Burns, R. (2017) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated from English by E.D. Feldman. Saint Petersburg: Vita Nova.

40. Kolesnikov, B.I. (1967) *Robert Berns: Ocherk zhizni i tvorchestva* [Robert Burns: Essay on life and work]. Moscow: Prosveshchenie.

41. Zenkevich, M.A. (1946) Shotlandskiy pesennik [Scottish singer]. *Literaturnaya gazeta*. 32. 3 August. p. 4.

42. Adalis, A. (1959) Narodnyy poet [People's poet]. *Oktyabr'*. 6. pp. 132–138.

43. Lloyd, A. (1946) *Robert Berns – pevets svobody* [Robert Burns – freedom singer]. Translated from English. *Britanskiy soyuznik*. 29. pp. 6–7.